

**ОБЫДЕННЫЙ
ДОЗОР**

Вячеслав **Бакулин**

Александр **Бачило**

Виктор **Дубчек**

Николай **Желунов**

Дарья **Зарубина**

Юлия **Зонис**

Леонид **Каганов**

Святослав **Логинов**

Евгений **Лукин**

Сергей **Лукьяненко**

Василий **Орехов**

Наталья **Резанова**

Дмитрий **Силлов**

К.А. **Терина**

Александр **Тюрин**

ОБЫДЕННЫЙ ДОЗОР

Лучшая фантастика 2015

Составитель
Андрей Синицын

ЖАН
РЫ
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-30

Любое использование материала данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается.

Составитель — Андрей Сеницын

Оформление обложки — В. Половцев
Художник — В. Манюхин

Обыденный Дозор: Лучшая фантастика 2015 :
О-30 [Фантастические повести, рассказы] / Составитель
Андрей Сеницын. — Москва: АСТ, 2014. — 414, [2] с.

ISBN 978-5-17-087299-2

Весь спектр современной российской фантастики: от космической оперы до фэнтези, от альтернативной истории до постапокалипсиса, от социальной фантастики до мистики, от признанных мастеров жанра до представителей молодого поколения, уже успевших громко заявить о себе. Все самое новое и интересное. Ну и, конечно, Дозор. Куда же без него!

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© А. Сеницын
© Коллектив авторов
© ООО «Издательство АСТ»

Евгений Лукин

ОНИ ТЕБЯ ЗАЩИТЯТ

*Постигнете ли вы, приличные мерзавцы,
Шары бездарные в шикарных котелках,
Что сердце, видя вас, боялось разорваться,
Что вы ему внушали страх?!*

Игорь Северянин

— Ты! Прессованный! — хрипло сказали из темноты. А он так надеялся благополучно миновать этот сгусток мрака у второго подъезда... Господи, взмолился он. Там же темно, там ничего не видно... Что тебе стоит, Господи! Помести туда двух миролюбивых алкашей... Сидят на лавочке, толкуют меж собой... и у кого-то из них кликуха Прессованный...

— Оглох?.. Стоять!

Зря... Зря ты так, Господи...

Остановился. Заискивающе улыбнулся во мрак.

— Вы... мне?..

Омерзительный хриплый смешок, вылупившийся из тьмы, ничего доброго не сулил.

— Тебе-тебе...

Должно быть, там, во мраке, встали со скамьи и двинулись навстречу жертве, поскольку чернота у подъезда зашевелилась — и вдруг со звоном начала разбухать, поглощая поочередно семизэтажку, скудно освещенный двор, звездное небо над головой, а заодно и нравственный закон внутри обмякшего разом Никанора Вдовина.

«Может, оно и к лучшему... — беспомощно успел подумать он, оседая наземь. — Станут бить — ничего не почувствую...»

* * *

Будучи приведен в сознание, Никанор обнаружил, что сидит на скамье, что лампочка светит вовсю, а над ним склоняются два относительно молодых человека вполне интеллигентной наруж-

ности. Один держал руку на пульсе, другой внимательно смотрел в глаза.

— Вы в порядке?

— Да... — слабо отозвался потерпевший. — А где... эти...

— Какие?

— Понимаете... — сказал он. — На меня хотели напасть...

— Никто на вас не нападал, — хмуро ответил тот, что проверял наличие-отсутствие сердцебиения, и Никанор чуть не вздрогнул, услышав знакомую хрипотцу. — Вы позволите?

Молодой человек укрепил на запястье Никанора тоненько пискнувший браслет, достал плоский приборчик, включил.

— Однако! — подивился он. — Ничего себе реакция... Вы всегда такой нервный?

Возвращенный к жизни обиделся, снял браслет, вернул.

— Спасибо за помощь! — буркнул он и хотел встать.

— Погодите! — последовал приказ — и Вдовин замер, уразумев, что беды его еще не кончились.

Молодые люди коротко посоветовались.

— Что скажешь? — обратился один к другому.

— Чуткий больно... — уклончиво отозвался тот. — Слишком хорошо — тоже нехорошо...

— На тебя не угодишь! — Хриплый спрятал аппаратуру и снова повернулся к Вдовину. — Тут за углом круглосуточное кафе. Вы не против, если мы зайдем туда и выпьем по чашечке кофе? Понимаете, у нас к вам деловое предложение...

«Сейчас похитят», — ахнуло внутри, и Никанор едва не потерял сознание вторично.

* * *

Не похитили. Действительно привели в кафе, однако сердчишко продолжало неистово колотиться. Было от чего. Расположились почему-то не в зальчике, а в чем-то служебном кабинете, выглядевшем, следует сказать, довольно странно. Вместо плафона с невысокого потолка свешивался беспилотник о четырех пропеллерах, да и на письменном столе тоже громоздилась какая-то загадочная машинерия. Это в кафе-то!

Пришла снулая девица с подносом, освободила от бумаг стеклянный журнальный столик, расставила чашки, вышла. Хрипло-

голосый (назвавшийся, кстати, Александром) поднялся и прикрыл за ней дверь поплотнее.

Стало совсем не по себе.

— Да вы пейте, пейте...

Может, отравить хотят? Нетвердой рукой Вдовин взял чашку с блюда, поднес к губам. Вроде капучино как капучино, среднего достоинства, никаких подозрительных привкусов.

— Часто вообще привязываются? — услышал он сочувственный вопрос.

— Вот... в прошлом месяце...

— И в позапрошлом тоже... — как бы про себя добавил Александр. — А что, если мы обеспечим вам охрану, Никанор Матвеевич?

Вдовин заморгал.

— На какие шиши? — вырвалось у него.

— На казенные, — невозмутимо прозвучало в ответ. — И позвольте перед вами извиниться. Честное слово, мы не думали, что дело дойдет до обморока... Просто решили подстраховаться, проверить, тот ли вы человек, который нам нужен...

Господи, да уж не вербуют ли?

— Вам? — отважился переспросить Никанор. — Кому это — вам?

Александр замялся:

— Знаете, мне бы не хотелось упоминать конкретные имена и названия организаций... Раскручивается проект. Солидный проект, круто заплаченный... Введи в курс, Виталий.

Сухопарый Виталий отставил чашку и возвел глаза к потолку.

— Некая зарубежная фирма, — нарочито занудливо начал он, — разработала электронную систему индивидуальной защиты граждан от уличного криминала. Систему необходимо испытать в городских условиях. Требуется доброволец. Собственно... всё.

— Нет, не всё, — сердито поправил Александр. — Испытателю причитается денежное вознаграждение. Ежемесячно. Не ахти какое, но тем не менее...

— И вы хотите... чтобы я...

— Да, Никанор Матвеевич. Именно этого мы и хотим.

Вдовин был удивлен, обрадован и, пожалуй, польщен. Потом насторожился вновь.

— А-а... что от меня...

— Ничего. Живите как жили. Просто теперь вы будете под защитой.

— А-а... каким образом...

— Значит, как работает система, — сказал сухопарый Виталий. — На запястье вам надевают браслет. С виду часы и часы... Ну, тот самый, что мы уже вам примеряли. Противоударный, водонепроницаемый. Можете в нем купаться, нырять, кувыркаться... Правда, сами вы снять его уже не сможете...

— Вообще? — испугался Вдовин.

— Пока не будет расторгнут контракт, — уточнил Виталий. — Вот, допустим, выходите вы из дому. Браслет тут же дает об этом знать — и над районом взлетает беспилотник. Ваш телохранитель. Или, если хотите, ангел-хранитель...

Вдовин опасно покосился на то, что свисало с потолка.

— Нет, не этот. Это вообще макет... Короче, каждый ваш шаг отслеживается сверху. Данные поступают в компьютер, программа оценивает ситуацию...

— А браслет?

— А браслет считывает и передает наверх данные о вашем самочувствии. Вот вы попали в переделку. Учащается пульс, прыгает уровень адреналина... Ну и система срабатывает.

— Как... срабатывает? — еле выговорил Вдовин.

Виталий достал и предъявил блестящий стерженек. Нечто вроде короткой тупой иглы-хомутовки, только без ушка.

— Браслет дает команду беспилотнику, и тот выпускает с воздуха по вашему обидчику такую вот штуковину.

— И?!

— Что «и»? Нападающий нейтрализован.

— А если промахнется?

— М-м... — Виталий озадачился. — Вообще-то промах маловероятен. Видите ли, поначалу это была чисто военная разработка — испытана в Пакистане, так что...

— Ну а вдруг!

— Наверное, выстрелит еще раз. Боезапас у него порядочный. Но вы-то в любом случае ничего не теряете! Ну, не сработало там что-то, ну, промахнулся, ну, начистили вам, я извиняюсь, рыло... Вам бы его так и так начистили. А тут хоть небольшая, а зарплата! Опять же больничный...

— А если в подъезде нападут? — охваченный беспокойством, спросил Вдовин.

Виталий посмотрел на Александра. Тот развел руками.

— Вы слишком многого от нас хотите, Никанор Матвеевич, — с упреком молвил он. — Система предназначена исключительно для уличных разборок. В замкнутых помещениях вы уж как-нибудь сами себя поберегите...

— А вот еще... — Вдовин запнулся. — Вы сказали: на казенные... А фирма-то, наверное, частная...

— Частная, — согласился тот. — Но богатая. Так что муниципалитет наш, считайте, куплен на корню, препятствий чинить не будет... Вас что-то еще смущает? Спрашивайте-спрашивайте, не стесняйтесь...

Смущало ли Никанора Матвеевича что-нибудь еще? Да, смущало, причем настолько сильно, что пришлось перед тем, как задать вопрос, прочистить горло глотком остывшего кофе.

— А что же они там... у себя, на Западе... — выдавил он. — Почему сами все не испытали? Почему у нас?

После этих его слов Александр насутился, крикнул. Встал, подошел к беспилотнику, с недовольным видом поправил один из четырех пропеллеров, помолчал.

— Суки они там, на Западе, — не оборачиваясь бросил он в сердцах. — На своих-то испытывать — хлопот не оберешься, а на наших — чего ж не испытать?

* * *

То, что Никанора Матвеевича хотели когда-то представить к медали «За отвагу», возможно, прозвучит анекдотически. Тем не менее это чистая правда. Произошло возгорание на складе боеприпасов, кинулись все врассыпную — и угораздило рядового Вдовина набежать напрямик на страшного капитана Громыко.

— Куда?! — рявкнул капитан. — Тушить! Бя-гом!..

Рядовой ужаснулся, бросился на склад и, самое удивительное, потушил. Потом, правда, сообразили, что огласка никому добра не принесет, и сделали вид, будто никакого возгорания не было вообще. А так бы ходил с медалью...

Любопытно, что, вернувшись к мирной жизни, Никанор Матвеевич никогда об этом не рассказывал. Во-первых, сам героиче-

ский поступок в памяти не оттиснулся — всё заслонила ощеренная пасть капитана. А во-вторых, после душераздирающих подробностей, которыми знакомые Вдовина оснащали свои устные мемуары о Чечне и Афгане, деяние его как-то блекло, съезживалось, и упоминать о нем становилось просто неловко.

Разумеется, Никанору Матвеевичу в голову не приходило, что знакомые сильно приукрашивают свое участие в исторических событиях и что подвиги их если и были совершены, то еще с большего перепугу.

А с другой стороны, как иначе? Страх страхом вышибают. На том стояла и стоять будет земля Русская...

Вернемся, однако, к прерванному повествованию.

* * *

Калерия Павловна лежала на свежевymетенном утреннем асфальте в странной позе, подогнув ногу и чуть разведя ладони, словно пыталась присесть в реверансе, но в последний момент была опрокинута навзничь. К месту происшествия сбегался народ.

— Чего пялишься? — вопила бабушка из третьего подъезда. — Телефон у тебя есть? В «Скороу» звони давай!

— Нету... — сипло признался Вдовин. — Дома оставил...

— Да что ж это за мужчины пошли такие! — Вне себя пенсионерка выхватила из кармана халатика свой собственный сотик. — Ну так помоги иди! Довел женщину до инфаркта — и хоть бы хны ему...

К счастью, обошлись и без Вдовина. Обездвиженную дворовую активистку подняли под мышки с асфальта и перенесли на лавочку. Пользуясь тем, что никто на него не смотрит, Никанор Матвеевич наклонился и украдкой извлек из-под правой своей подошвы блестящий металлический стерженек, похожий на короткую тупую иглу-хомутовку. Потом выпрямился и боязливо вознес глаза к утреннему ясному небу, где подобно коршуну над птичьим двором плавало в вышине темное пятнышко беспилотника.

Зачем-то отряхивая ладони, со стороны скамейки приблизился Сергуня из тридцать восьмой квартиры. Глаза у него были кру-

глые, физия — восторженная. Заметив, что сосед стоит с запрокинутой головой, понимающе покивал.

— Во-во! — подтвердил он злорадным полусшепотом. — От Боженьки не укроешься. Дооралась горластая...

Кажется, истинных причин происшествия никто не заподозрил: заслуженная кара пала с небес совершенно бесшумно — ни свиста, ни грохота, ни треска электрического разряда, лишь отсочивший от активистки стерженок об асфальт звякнул.

Как вовремя догадался Никанор на него наступить!

«Скорая» прибыла на диво быстро, и все же Александр с Виталием ее опередили. Не на шутку встревоженные кураторы высочили из машины, кинулись к Вдовину.

— Кого?

— Вон... ее... — Никанор Матвеевич указал робкими глазами на толпу у скамейки.

Виталий сходил посмотрел. Вернулся задумчивый.

— Жива хоть? — угрюмо спросил его Александр.

— Да шевелится вроде, — процедил тот. Закурил, обернулся к Вдовину: — Как все вышло-то?

— За электричество не так заплатил... — покаялся бледный Никанор.

— Как не так?

— По счетчику. Надо было семь цифр считать, а я — шесть. А она набросилась, раскричалась... Я испугался... А он... — И Вдовин вновь взглянул с упреком на блуждающий в вышине беспилотник.

Александр тихонько выругался. Виталий хмыкнул.

— Весело... — оценил он случившееся. — Слушайте, Никанор Матвеевич, я понимаю, вы, конечно, человек с тонкой нервной организацией, но... все-таки старайтесь держать себя в руках. А ну как в следующий раз участкового испугаетесь!

— Вот черт! — сдавленно сказал Александр. — Этак он нам вместо криминалитета всех официальных лиц перещелкает...

— Можно подумать, велика разница! — съязвил Виталий.

К тому времени во двор въехала «Скорая» — и молодые люди, прервав разговор, двинулись ей навстречу.

— И что теперь?.. — дрогнувшим голосом окликнул их Вдовин. Стерженек он по-прежнему судорожно сжимал в кулаке.

— Постараемся уладить, — бросил через плечо Александр. — А может, и само уладится...

* * *

Уладилось само. Списали на сердечную недостаточность.

А Виталий, кстати, как в воду глядел: следующим утром раздался звонок в дверь, и на пороге Вдовина возник юноша в одеждах правозащитного цвета. Крупные заячьи зубы юноши были обнажены в старательной приветственной улыбке.

— Здравствуйте, Никанор Матвеевич, — сказал он, преданно уставясь на владельца квартиры. — А я ваш новый участковый... Вот знакомлюсь с жильцами... Это моя обязанность... Служебный долг, так сказать...

Испугаться его было невозможно в принципе, да и, кроме того, охранная система, по словам Александра, предназначалась исключительно для уличных разборок и в замкнутом помещении просто бы не сработала. Даже если беспилотник примет сигнал бедствия, стерженьком стенку не пошьешь.

Непривычный к куртуазности властей Вдовин впустил служителя закона в дом, усадил в кресло.

— Какие-нибудь претензии, пожелания... — с трепетом осведомился тот.

Застигнутый врасплох Никанор Матвеевич наморщил лоб, помычал, но так ничего и не придумал.

— Н-нет, спасибо... Все замечательно...

Улыбка пошла на убыль.

— Ну а вот... утром вчера...

— Вы... про Калерию Павловну?

— Да не обращайтесь вы на нее внимания! — с жаром взмолился юный блюститель порядка. — Вздорная баба, что спросишь! Выйдет из больницы — обязательно примем меры...

— Да нет... зачем же... — окончательно сбитый с толку, пробормотал Никанор Матвеевич. — Я не в обиде... Тем более сердечная недостаточность у нее...

— Ну, хорошо... — малость успокоившись, продолжил гость. — А вот, скажем, Корявый... и вся эта его шатия... Не беспокоят? Я имею в виду: в последнее время...

— А кто это Корявый?

Участковый недоверчиво посмотрел на Вдовина.

— Фанат, — пояснил он. — Футбольный фанат...

И тот вспомнил. Действительно, месяца полтора назад на подходе к дому его остановили какие-то полуголые личности в шар-

фах. Ущерб здоровью, правда, не причинили, однако заставили крикнуть «“Ротор” — чемпион!», причем несколько раз, пока не достиг должной громкости.

— Нет... Нет-нет... Не беспокоят...

— Если что — обращайтесь... Хоть ночью, хоть днем! Тут же примем меры... Часики у вас стильные, — подобострастно добавил он, кивнув на браслет.

Проводив гостя и замкнув за ним дверь, Никанор Матвеевич задумался. При всей своей наивности он ясно видел, что визит нанесен неспроста. Обычно участковые ведут себя не так. Да и этот прощальный намек насчет часиков... Одно из двух: либо юный страж закона сам догадался о чем-то, либо какие-то распоряжения поступили свыше.

* * *

Случись кому в те дни посетить недавно открывшийся супермаркет и повнимательнее приглядеться к молчаливым служащим в зеленых жилетах, он бы наверняка заметил с удивлением, что лица у всех слегка надменные, а то и оскорбленные. Униженное достоинство сквозило в каждом жесте тружеников торговли.

Дело в том, что в городе грянули сокращения, а поскольку высокий процент безработицы причинял властям душевную боль, уволенных распахивали куда попало. Вот и довелось некоторым бывшим клеркам напялить зеленую робу с клеймом на спине и ламинированной картонкой напротив сердца.

Числился среди них и некий Никанор Матвеевич Вдовин.

Пастырь добрый, он расхаживал вдоль ряда касс и, найдя заблудшую тележку для покупок, возвращал ее в общее стадо. Произведя соитие хромированных конструкций воедино, катил полувыведенную вереницу ко входу в торговый зал, причем следует заметить, что глаза Никанора Матвеевича, не в пример прочим, явно содержали при этом какую-то вполне конкретную мысль, а не просто скорбь. Вот уже второй день подряд.

Вчера он получил аванс за участие в проекте, и оказался этот аванс вдвое больше его нынешней зарплаты. Возник вполне естественный соблазн послать все к чертовой матери и настроичить заявление по собственному желанию. Слава богу,хватило ума сооб-

разить, что проект не вечен: испытают систему, поблагодарят — и снова ищи работу...

Да, но ведь ее, как ни крути, придется искать в любом случае.

Если честно, не нравилось Вдовину в супермаркете. Особенно удручал напарник — дебильный отпрыск главного бухгалтера, возмечтавший стать охранником. От катания тележек великовозрастный оболтус злобно уклонялся: если и катал, то с таким видом, будто просто решил помочь — по доброте душевной. В основном же ходил и всех подозревал. Раздобыл где-то испорченную рацию и время от времени сообщал в нее шпионским придушенным голосом:

— Первый, первый... Я — второй... Все спокойно?..

Но главное — стучал. Как и подобает охраннику. А стукнуть на него в ответ означало поссориться с главным бухгалтером и, возможно, вылететь птичкой из списка сотрудников.

Казалось бы, что толку обижаться на дефективного! Однако ведь и на комара бессмысленно обижаться, а достанет — взвешь...

Погрузившись в раздумья, Вдовин достиг стеклянных дверей и углядел брошенную снаружи тележку — стояла сиротка в десятке шагов от входа и дробно сияла на солнце. Вообще-то собирать каталки, брошенные вне супермаркета, в обязанности Никанора Матвеевича не входило, но ведь накалится — в таком-то пекле...

Добрый пастырь вышел сквозь расступившиеся двери на солнцепек и направился к неприкаянному транспортному средству. Взялся за горячую пластиковую ручку — и вдруг осознал, что, покинув замкнутое помещение, он невзначай очутился под охраной. Действительно, вскоре в слепящем зените возник темный абрис четырехвинтового ангела-хранителя. А мгновение спустя стеклянные двери вновь разошлись — и глазам Вдовина предстал его слабоумный напарник с прижатой к правому уху рацией. Докладывал небось воображаемому шефу, что Никанор Матвеевич Вдовин опять превысил служебные полномочия.

А потом еще и начальству наябедничает...

Вот поганец! Вдовина затрясло. Пульс участился, уровень адреналина в крови, надо полагать, подпрыгнул, и Никанор Матвеевич вскинул глаза. Беспилотник снизился уже настолько, что, казалось, было видно, как расходятся сегменты на его брюшке, предъявляя набор металлических жал. Сейчас жажнет... Ну?!

Но тут что-то дрогнуло в мужественном (кроме шуток, мужественном) лице рослого недоумка — и он поспешно отшагнул назад. Стекланные двери супермаркета сомкнулись.

Надо же! Дебил-дебил, а что-то, видать, почуял...

— Твое счастье... — презрительно процедил Вдовин — и вдруг похолодел на солнцепеке, осознав, что секунду назад искренне желал кому-то удара, боли, чуть ли не смерти. Да что там желал — он радовался, он предвкушал то, что должно было случиться!

Стало нестерпимо стыдно.

«Да что ж мы за народ такой... — мысленно взвыл Никанор Матвеевич, перекаладывая вину, как это у нас принято, на всю людскую громаду. — Ну, уволили тебя, ну, запихнули в подсобные рабочие... унизили, оскорбили... Ну так и ненависть того, кто унизил... А ты — кого?!»

Резко выдохнул и покотил тележку в супермаркет.

* * *

Дома его ожидало еще одно огорчение — заело замок. Вдовин вынул ключ из прорези, недоверчиво осмотрел бородку, попытался открыть еще раз. Безрезультатно.

В прихожей стукнуло, брякнуло — и дверь отворилась сама. В проеме стояла Марьяна.

— Не вижу радости, — сказала она. — Чего уставился? Дочь вернулась.

Никанор Матвеевич спрятал ключ и приветствовал наследницу улыбкой паралитика.

— Здравствуй, Марьяночка... — вымолвил он. — В гости или как?

— Или как, — последовал ответ. — Ты заходи, не стесняйся...

Плотная, смуглая, широкоскулая — вылитая мать. Впрочем, Никанор Матвеевич застал еще времена, когда такие тяжеловатые лица считались чуть ли не образцом женской красоты. Особенно в провинции.

Жениться его угораздило на окультуренной бессарабской цыганке. Страшный, если вдуматься, случай. Суровые законы табора забыты напрочь, а норв-то строптивый по-прежнему кнута требует! Замучила ревностью, потом оставила совместно нажитую дочь ошарашенному супругу и ушла к другому. А там и другого